ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

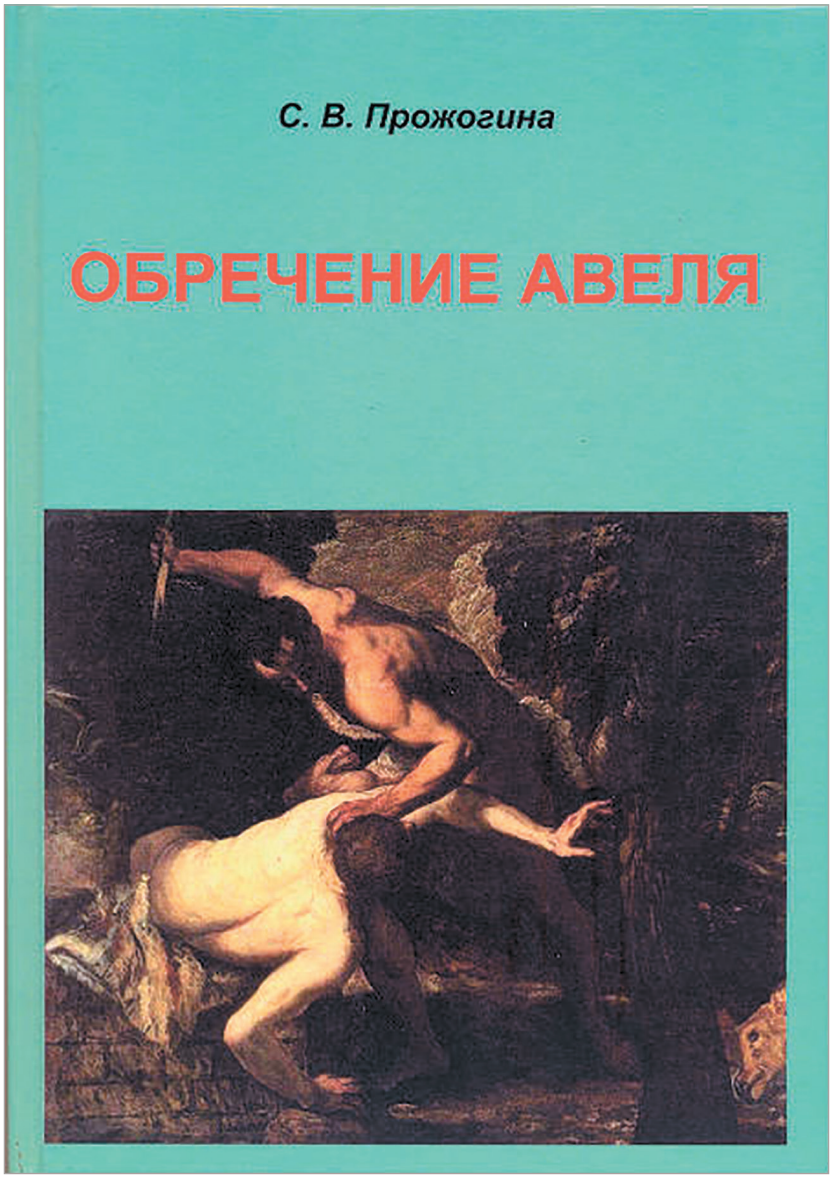
DOI: 10.31857/S023620070010053-5

©2020 Е.Л. СКВОРЦОВА

ПРОЖОГИНА С.В. ОБРЕЧЕНИЕ АВЕЛЯ. М.: ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН, 2020. 426 с.

Новая книга С.В. Прожогиной, крупнейшего специалиста по исследованиям литературы Магриба, «Обречение Авеля. К 100-летию алжирского писателя Мохаммеда Диба (1920–2003)», посвящена анализу творчества одного из самых известных и плодотворных алжирских писателей, чьи произведения переведены на 20 языков мира. Диб — лауреат множества престижных премий, автор многочисленных романов, сборников поэзии, новелл, драматургических произведений, где звучит тема, определенная самим писателем, как горький удел колонизованного, а потом оказавшегося на Западе выходца с Востока. Назвав книгу «Обречением Авеля», Прожогина таким образом обозначила не только весь путь, пройденный в жизни и творчестве не одним только писателем, но и всеми теми многочисленными его соотечественниками и коллегами-эмигрантами, которые были вынуждены отправиться на поиски работы и своих идеалов (или своих иллюзий) на Запад, ставший своего рода Каином для Востока в эпоху колонизации, да и сейчас, особенно в наше время, не утративший разнообразные способы его унижения.

УДК 613.98



Е.Л. Скворцова

Прожогина С.В. Обречение Авеля. М.: Институт востоковедения РАН. 2020. 426 с.

Время, замечает Прожогина, изменило не только старый облик Востока, но и наше отношение к нему. И хотя у многих сейчас снова внимание привлечено к его старине, его традициям, его религиям, сам Восток давно уже врос в современность, в XX и XXI век. Доказательство тому — и бурные политические конфликты, и острые экономические проблемы, и миграционные процессы, от которых, обратим внимание, в настоящее время как никогда зависит и сам Запад. Однако на вопросы, чем и как Восток сегодня живет и дышит, что его заботит, о чем он размышляет, что он

сейчас в мире и для мира, лучше всего ответили его писатели и поэты. Они во многом даже предвосхитили и показали те процессы, которые предстоит скрупулезно изучать философам и политикам, социологам и идеологам.

Мохаммед Диб вскормленный двумя матерями — Африкой и Европой — мигрант, вынужденный жить на холодной чужбине. Удивительно, как при всем внешнем и культурном различии этих континентов и их жителей, обнаруживается глубокое ветхозаветное единство общих истоков, имен, мифологических сюжетов, праисторических единых отцов и т.д., и т.п. Очень символична, глубоко значима и эта игра слов — Абель, «Habel», Кабил, подмеченная исследователем. В предисловии автор посвящает свою монографию проблемам Европы, наводненной сегодня новыми волнами берберов из других континентов, разделяя мысль Диба, что «Каин сегодня не убил бы своего брата. Он отпустил бы его на дороги эмиграции.»

Произведения писателя, несмотря на всю свою алжиро-французскую специфику, отличает стремление к универсализации затрагиваемых социальных и психологических проблем. Невероятно глубоким проникновением в тайны человеческого подсознания представляется образ Моря у М. Диба. Он создает мифологизированные, как бы отвлеченные сюжеты на основе собственных, очень болезненных, переживаний от вынужденного изгнания и невозможности обрести покой и счастье ни на родине, ни на чужбине. Проблематика неприкаянного (невольно приходится обращаться к слову, этимология которого связана с этим же библейским мифом извечного соперничества родных по крови братьев) скитальца, ставшая ключевой для творчества М. Диба, возможно и не звучала бы сегодня так остро, не случись это очередное «великое переселение народов» из потревоженной опять же очередной войной Африки. Проблема дихотомии «свой — чужой» далеко не нова, скорее она извечна и неискоренима, не случайно Прожогина приводит аналогии со многими великими русскими творцами, которые говорили о трудности быть вне родины (Тургенев, Чайковский, Достоевский и т.д.). Но очевидно также, что эта потеря покоя души стала стимулом и катализатором появления их знаменитых шедевров, ибо пребывающие в покое и самодовольстве не склонны творить чудеса. Как принято сейчас говорить, чтобы достичь новых высот, нужно «выйти из зоны комфорта». Страдания героев в произведениях М. Диба написаны его кровью и потом на таком высоком градусе и тоне, что явно сопереживающая писателю и лично знакомая с ним автор, задается и мучается вечными вопросами так же, как персонажи Диба. В качестве пролога звучит вопрос: ужель нам ждать мести

обреченного на заклание Авеля? Существует ли выход и спасение из ситуации? Если мнение, что Авель послужил прообразом Христа верно, то ждать ли мести иудам, прокураторам, ученикам, отрекшимся от Учителя, и всей толпе, что была свидетелем, почти соучастником убийства?

В современном мире активная миграция становится скорее нормой, чем исключением. Вопрос в том, как оценивает ситуацию сам человек. М. Диб и С.В. Прожогина открывают для нас внутренний мир человека, чья родина — пески, накаленные немилосердно знойным солнцем. Этот чисто африканский накал страстей, бушующий в душе мигранта, оказавшегося в «мраморно-снежном холоде» северной Европы, он требует выхода, какого-то определения, и прежде всего понимания этой бездны различий в силе эмоций, глубине чувств, диссонансе реакций, причиной которых является их принадлежность разным информационным полям. Такое незнание делает невозможным не только взаимопонимание, но даже просто бесконфликтное сосуществование представителей двух культурных традиций. Диб, к примеру, описывает очень яркую ситуацию, складывающуюся, когда его герой возвращается из проклятого, ненавидимого им Города к родным и женится на любимой с юности девушке. Казалось бы, счастье близко, но его отказ сделать ритуальное жертвоприношение воспринимается невестой как отказ от традиционных ценностей, которые она разделяет. Жених и невеста остаются каждый в своем изолированном внутреннем мирке…

Несмотря на то, что контекст франко-африканской эмигрантской культуры и фон, на котором разворачивается повествование, имеют христианско-исламский характер, я воспринимаю философские размышления М. Диба, на мой взгляд, весьма близкими и к буддийскому миропониманию. Я бы даже сказала, они могут служить иллюстрациями буддийского учения о *сансаре* и о пребывании в ней; что есть страдание, а страдание есть имманентное свойство жизни в ее вечном круговороте. Библейский архетип соперничества братьев можно обнаружить не только в локальной истории Франции и Алжира. Заслуга М. Диба в том, что ему удалось привлечь общественное внимание к проблемам, которые могут быть разрешены вполне административными, информационными, созидательными, но не военными средствами.

Как указывает автор, не стоит «расширять» и далее фон, на котором проходит жизнь тех, кто, покидая свои страны, ищет покоя и прибежища от невзгод и горя своей, оставленной за морем земли. Но если этот фон становится неизбежностью их новой жизни, если атмосфера обретенной нелегкой ценой страны становится воздухом вечной Чужбины, то, может быть, выражаясь словами

Е.Л. Скворцова

Прожогина С.В. Обречение Авеля. М.: Институт востоковедения РАН. 2020. 426 с.

Диба, Каин не должен был отправлять Авеля в эмиграцию? И может быть, это обречение, а не «просто убийство» стало не ценой спасения жизни «Авеля», а расплатой за медленную смерть человеческой души, которая будет вечно искать новые дороги, но и вечно тосковать о так и не обретенном «рае» и даже помнить «ад» оставленной за морем родной земли, вспоминая ее палящее солнце и его не всегда благодатный зной.

С.В. Прожогина пишет о «новых идентичностях» эмигрантов, которые вроде бы обретают эти люди. Но «Свое» и «Чужое», если они существуют в реальности как начала несовместные, вряд ли сольются в гармонию кажущегося счастья, или хотя бы покоя. Это ярко продемонстрировал М. Диб, алжирец, который жил во Франции, но практически все свои многочисленные книги написал с думой о своей стране.

«Обречение Авеля» дополняет картину современного развития магрибинской литературы и предоставляет читателю возможность вместе с автором поразмышлять об актуальных проблемах современного состояния и взаимовлияния Востока и Запада. Книга открывает для русскоязычного читателя все еще трудно постижимый арабо-африканский постколониальный мир, и помогает лучше понять культурную подоплеку того, что происходит сегодня во Франции, в Европе, во всем мире в целом.

Е.Л. Скворцова, доктор философских наук